

Отклик почвенной цианобактерии *Nostoc paludosum* на действие сульфата меди (II) в присутствии глутатиона восстановленного

© 2019. А. И. Фокина¹, к. б. н., доцент,
Е. И. Лялина², инженер-хроматографист, Л. В. Трефилова³, к. б. н., доцент,
Т. Я. Ашихмина^{1,4}, д. т. н., профессор, г. н. с., зав. лабораторией,

¹Вятский государственный университет,
610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, д. 36,

²ООО «Нанолек»,

127055, Россия, г. Москва, ул. Бутырский Вал, д. 68/70,

³Вятская государственная сельскохозяйственная академия,
610017, Россия, г. Киров, Октябрьский проспект, д. 133,

⁴Институт биологии Коми НЦ УрО РАН,
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 28,
e-mail: annushka-fokina@mail.ru, nm-flora@rambler.ru

Изучено влияние растворов CuSO_4 с концентрациями ионов Cu^{2+} , равными 1, 2, 3, 4 и 5 мг/дм³, с добавлением трипептида – глутатиона восстановленного (GSH) и без него на почвенную цианобактерию (ЦБ) *Nostoc paludosum* 18. Продолжительность экспозиции культуры с растворами составила 72 часа. В ходе эксперимента наблюдали за формированием биоплёнок ЦБ из гомогената, как за показателем восстановления исходной популяции; измеряли концентрацию растворённого O_2 в суспензиях ЦБ; определяли долю клеток ЦБ, способных к образованию формазана из 2,3,5-трифенилтетразолий хлорида, как показатель жизнеспособности культуры.

Под действием CuSO_4 у культуры ЦБ нарушалась способность к формированию биоплёнок в растворах с концентрациями Cu^{2+} 1 мг/дм³ и более без добавления GSH и при концентрациях Cu^{2+} , равных 3 и более мг/дм³, в присутствии этого трипептида. По изменению концентрации растворённого O_2 не удалось диагностировать токсичность раствора с концентрацией 1 мг Cu^{2+} /дм³ на протяжении всего эксперимента. У раствора с концентрацией 2 мг Cu^{2+} /дм³ через трое суток экспозиции установлена средняя степень токсичности. Среднюю и слабую степени токсичности удалось выявить у растворов с концентрациями Cu^{2+} , равными 3–5 мг/дм³, через сутки экспозиции. С увеличением концентрации Cu^{2+} происходило снижение дегидрогеназной активности ЦБ, по сравнению с контролем, на 50% и более. Растворы с GSH имеют меньшую степень токсичности, чем аналогичные растворы без добавления GSH. Наиболее приемлемой тест-функцией на действие ионов меди (II) с концентрациями их в растворе, превышающими ПДК, является дегидрогеназная активность ЦБ *N. paludosum* с титром $2 \cdot 10^7$ кл./см³.

Ключевые слова: цианобактерии, ионы меди (II), глутатион, токсичность.

The response of soil cyanobacteria *Nostoc paludosum* to the effect of copper(II) sulfate in the presence of the restored glutathione

© 2019. A. I. Fokina¹ ORCID: 0000-0001-8265-8882, E. I. Lyalina² ORCID: 0000-0002-2334-0820,
L. V. Trefilova³ ORCID: 0000-0002-9932-5803, T. Ya. Ashikhmina^{1,4} ORCID: 0000-0003-4919-0047

¹Vyatka State University,

36, Moskovskaya St., Kirov, Russia, 610000,

²LLC «Nanolek»,

68/70, Butyrsky Val St., Moscow, Russia, 127055,

³Vyatka State Agricultural Academy,

133, Oktyabrsky Prospect, Kirov, Russia, 610017,

⁴Institute of Biology of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS,

28, Kommunisticheskaya St., Syktывkar, Komi Republic, Russia, 167982,

e-mail: annushka-fokina@mail.ru, nm-flora@rambler.ru

The effect of CuSO_4 solutions with Cu^{2+} ion concentrations equal to 1, 2, 3, 4, and 5 mg/dm^3 with the addition of reduced glutathione (GSH) and without it to soil cyanobacteria (CB) of *Nostoc paludosum* 18 was studied. The duration of exposure of the culture with solutions was 72 hours. During the experiment, the formation of biofilms of the CB from the homogenate was observed as an indicator of the recovery of the initial population; the concentration of dissolved O_2 in suspensions of the CB was measured; the proportion of CB cells capable of forming formazan from 2,3,5-triphenyltetrazolium chloride was determined as an indicator of the viability of the culture was determined.

Under the action of CuSO_4 , the ability of the culture of CB to form biofilms in solutions was violated with concentrations of Cu^{2+} 1 mg/dm^3 or more without the addition of GSH and at Cu^{2+} concentrations equal to 3 or more mg/dm^3 in the presence of this tripeptide. It was not possible to diagnose the toxicity of the solution with a concentration of 1 $\text{mg Cu}^{2+}/\text{dm}^3$ by changing the concentration of dissolved O_2 throughout the experiment. In a solution with a concentration of 2 $\text{mg Cu}^{2+}/\text{dm}^3$, the average degree of toxicity was established after three days of exposure. The medium and low degrees of toxicity were detected in solutions with Cu^{2+} concentrations of 3–5 mg/dm^3 after one day of exposure. With an increase in the concentration of Cu^{2+} , the dehydrogenase activity of the CB decreased by 50% or more compared to the control. Solutions with GSH are less toxic than similar solutions without the addition of GSH. The most acceptable test function for the action of copper(II) ions with their concentrations in the solution exceeding the MPC is the dehydrogenase activity of the *N. paludosum* CB with a titer of $2 \cdot 10^7$ cells/ cm^3 .

Keywords: cyanobacteria, copper(II) ions, glutathione, toxicity.

Среди объектов химико-экологического исследования интерес представляют соединения меди, так как медь – окислительно-восстановительно активный переходный металл, который может быть как необходимым, так и, в зависимости от условий, токсичным для биоты [1]. К числу организмов, присутствие и биохимический статус которых отражает состояние окружающей среды (ОС), относятся почвенные цианобактерии (ЦБ). Отклик почвенных ЦБ на действие токсикантов на физиолого-биохимическом уровне может служить сигналом о загрязнении ОС уже тогда, когда реакция многих других тест-организмов, в частности, высших растений, ещё не позволяет судить о токсичности [2].

Существование в виде биоплёнок (БП) – одна из стратегий адаптации популяции микроорганизмов (МО) к условиям ОС. Процесс образования БП характерен и для ЦБ [3]. Образование БП может идти за счёт непосредственного (физического) контакта между организмами; выработки диффундирующих в среде химических сигнальных агентов (например, диффузные химические агенты коммуникации МО – пептиды, лактоны, аминокислоты и т. д.); генерации тех или иных физических полей. Все три канала коммуникации, вероятно, принимают участие в «чувстве кворума» и могут быть реализованы только при оптимальной плотности МО [4]. Адаптационные способности ЦБ могут быть обусловлены наличием в их околочлесточной слизи гетеротрофных спутников, которые по количеству и видовому разнообразию не постоянны, их состав может меняться в зависимости от особенностей экотопа. ЦБ «рекрутируют» в свой слизистый чехол бактерии, необходимые для их существования в конкретных условиях [5]. Таким образом, способность образо-

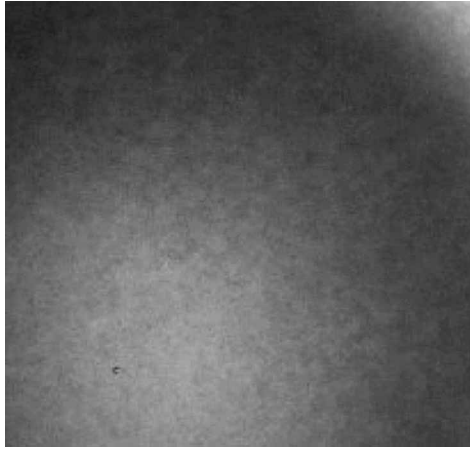
вывать БП обусловлена целым рядом факторов, в том числе присутствием в среде обитания ЦБ ионов металлов, в частности Cu^{2+} . Кроме того, ионы тяжёлых металлов (ТМ) влияют на процессы, связанные с поглощением и выделением O_2 у организмов [6, 7]. Поэтому изменение концентрации O_2 относительно контроля может быть испытано как тест-функция для определения токсичности растворов.

В результате экспериментов с фосфорсодержащими автошампунями [8], соединениями ТМ, хлоридом натрия, нефтепродуктами, пестицидами [9, 10] установлено, что по мере увеличения концентрации токсиканта происходит уменьшение доли жизнеспособных клеток с одновременным ростом процента мёртвых [11]. Данный показатель признан одним из наиболее надёжных для оценки токсичности исследуемой среды [10, 12].

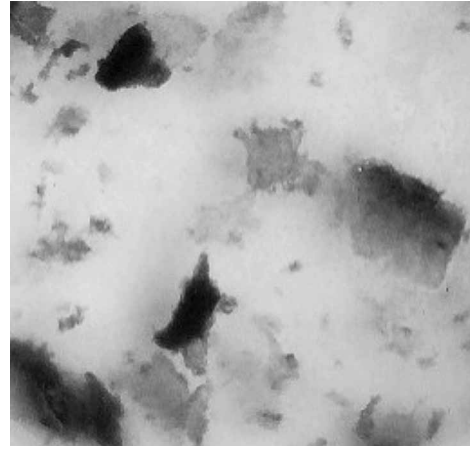
Влияние ионов меди (II) в монорастворах может существенно отличаться от эффекта воздействия ионов металла в присутствии других веществ, в частности, таких природных биопротекторов, как глутатион (GSH) [13]. Поэтому целью работы было исследование возможности использования параметров физиологических и биохимических процессов почвенной цианобактерии *Nostoc paludosum* 18 в качестве тест-функций для диагностики токсичности растворов сульфата меди (II) в присутствии глутатиона восстановленного.

Объекты и методы исследования

Исследовано влияние CuSO_4 на способность ЦБ к формированию БП из гомогенизированного состояния, изменение концентрации растворённого молекулярного кислорода (O_2) в суспензии ЦБ и жизнеспособность кле-

А

В

Рис. 1. Внешний вид суспензии культуры *N. paludosum*: в виде гомогената – А, в виде биоплёнки – В
Fig. 1. The appearance of the suspension of the culture of *N. paludosum*: А – in the form of a homogenate, В – in the form of a film

ток *N. paludosum*. Для этого культуру почвенной ЦБ (выделена из дерново-подзолистой почвы Кировской области) выращивали на безазотистой среде Громова № 6 в течение трёх месяцев. В течение этого времени культура ЦБ образовала мощную БП, которую для проведения эксперимента гомогенизировали в течение двух минут с помощью гомогенизатора марки HG-15A-Set-A (DAIHAN Scientific, Ю. Корея) при 30 тыс. об./мин. Титр культуры в растворах составил $2 \cdot 10^7$ кл./см³. Суспензию ЦБ вносили в растворы CuSO₄ с концентрациями ионов Cu²⁺ равными 1, 2, 3, 4 и 5 мг/дм³, что соответствует 1, 2, 3, 4 и 5 ПДК меди в питьевой воде [14], и в растворы с аналогичными концентрациями ионов Cu²⁺, но с добавлением GSH в мольном соотношении 1Cu²⁺:4GSH. Использовали GSH производства фирмы AppliChem GmbH (Германия). Продолжительность эксперимента – 72 часа. В качестве признака, указывающего на формирование БП, использовали появление скоплений МО, устойчивых к лёгкому перемешиванию суспензии стеклянной палочкой. За процессом формирования БП наблюдали на протяжении всего эксперимента. На фото представлен внешний вид культуры в виде гомогената (рис. 1А) и БП (рис. 1В).

Концентрацию растворённого O₂ в суспензии ЦБ измеряли через 1, 24, 48, 72 часа с начала эксперимента методом амперометрии с помощью прибора марки HI 9143 (HANNA Instruments, Германия). Степень токсичности (%) рассчитывали по формуле:

$$A = (X_{\text{ср.к.}} - X_{\text{ср.оп.}}) / X_{\text{ср.к.}} \cdot 100,$$

где X_{ср.к.} – среднеарифметическое значение концентрации растворённого O₂ в контрольном варианте, мг/дм³; X_{ср.оп.} – среднеарифметическое значение концентрации растворённого O₂ в опытном варианте, мг/дм³.

Если A < 10% – проба не оказывает токсического действия; от 10 до 25% – проба оказывает слабое токсическое действие; от 25 до 35% – среднее токсическое действие, от 35 до 50% – токсическое, > 50% – пробу считают высокотоксичной [15].

Жизнеспособность культуры, подвергшейся влиянию солей меди(II) в течение 24 и 72 часов, определяли тетразольно-топографическим методом прямого счёта клеток ЦБ с кристаллами формазана, используя микроскоп марки Micros (Австрия) [12]. За критерий токсичности принимали снижение доли клеток с кристаллами формазана более, чем на 50%, по сравнению с контролем.

Результаты и обсуждение

Способность культуры ЦБ образовывать биоплёнки. В вариантах без добавления GSH под действием сульфата меди(II) у культуры ЦБ *N. paludosum* нарушалась способность к образованию БП из гомогената. С увеличением концентрации Cu²⁺ эффект от воздействия токсиканта усиливался. Так, если в вариантах с концентрациями ионов Cu²⁺ 1 и 2 мг/дм³ зачатки БП образовывались в течение первых суток, то в вариантах с концентрациями ионов Cu²⁺ от 3 до 5 мг/дм³ МО оставались в состоянии гомогената на протяжении всего эксперимента. Ионы Cu²⁺, оказывая как прямое (бло-

кирование связующих звеньев внешнего полисахаридного слоя слизи ЦБ за счёт образования связей между ионами металла и функциональными группами соединений слоя), так и опосредованное действие (влияние на процессы образования сигнальных и связующих веществ), нарушали процесс формирования БП ЦБ. О насыщении полигликанового слоя ионами Cu^{2+} свидетельствовала окраска гомогената. В вариантах с концентрациями Cu^{2+} , равными 4 и 5 мг/дм³, без добавления GSH гомогенат имел неестественную для культуры окраску, характерную для соединений меди (II).

Добавление GSH положительно сказалось на образовании БП за счёт связывания ионов Cu^{2+} в комплексы с GSH [16], и тем самым, не давая ионам металла связываться с компонентами клеток МО. В присутствии GSH в вариантах с концентрациями ионов Cu^{2+} , равными 1 и 2 мг/дм³, уже в течение первых суток образовались фрагменты БП по размерам приближающиеся к таковым в контрольном варианте. С увеличением концентрации Cu^{2+} биопротекторное действие GSH снижалось. В вариантах с концентрациями ионов Cu^{2+} 3 и 4 мг/дм³ наблюдали образование БП, но меньшего размера и в меньших количествах, чем в вариантах, в которых concentra-

ция Cu^{2+} 1 и 2 мг/дм³. В варианте с концентрацией Cu^{2+} 5 мг/дм³ БП не обнаружено даже к концу эксперимента.

Таким образом, использование гомогената ЦБ с титром $2 \cdot 10^7$ кл./см³ позволило диагностировать токсичность по способности МО к формированию БП через сутки экспозиции во всех вариантах без GSH, в присутствии GSH – при концентрациях Cu^{2+} более 2 мг/дм³.

Временная динамика концентрации O_2 в суспензиях ЦБ. Измерение концентрации растворённого O_2 в суспензиях ЦБ показало, что в варианте без внесения $CuSO_4$ и GSH (контроль) этот показатель увеличился на 1,0 мг/дм³ (9,5% от начального) в течение 72 часов в результате фотосинтеза у ЦБ [17]. В варианте с концентрацией ионов Cu^{2+} , равной 1 мг/дм³, увеличение концентрации O_2 сопоставимо с контролем (0,8 мг/дм³ – 8,3% от начального) (рис. 2А), что позволило говорить об отсутствии токсического влияния ионов Cu^{2+} при данной концентрации на *N. paludosum*. Количество O_2 в суспензиях, содержащих ионы Cu^{2+} в дозах, равных 2–5 мг/дм³, через трое суток уменьшилось на 2,2–4,7 мг/дм³ (22,0–45,5% от начального). Между величинами концентраций ионов Cu^{2+} и растворённого O_2 выявлена достаточно тесная обратная взаимосвязь (табл.).

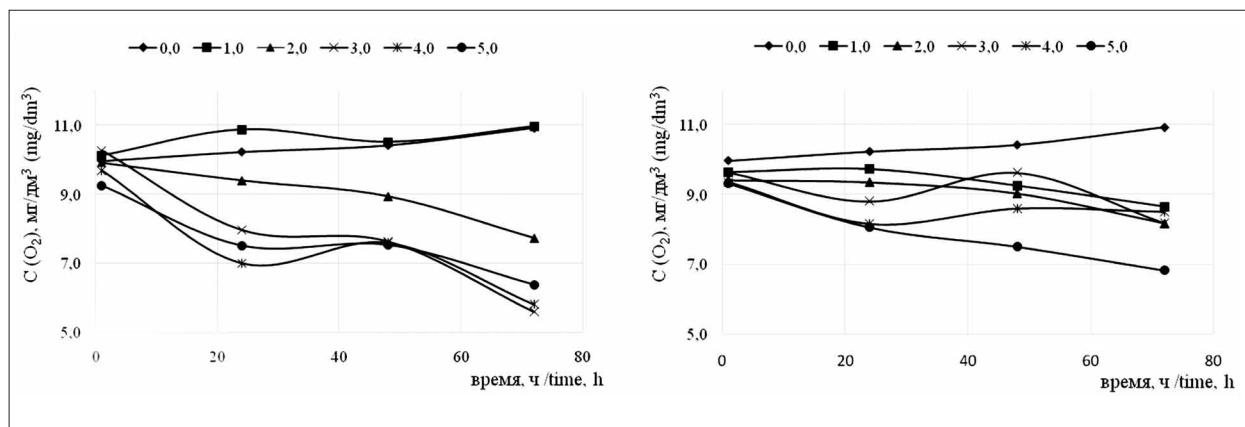
Таблица / Table

Степень токсичности растворов, % / Degree of toxicity of solutions, %

C (Cu^{2+}), мг/дм ³ C (Cu^{2+}), mg/dm ³	Мольное отношение Mole ratio Cu:GSH	Продолжительность эксперимента, час Duration of the experiment, hour			
		1	24	48	72
1	1Cu:0GSH	-1,6	-6,4	-1,0	-0,5
	1Cu:4GSH	3,2	4,8	11,1*	20,8*
2	1Cu:0GSH	0,5	8,1	14,1*	29,2**
	1Cu:4GSH	5,6	8,6	13,4*	25,2**
3	1Cu:0GSH	3,0	22,1*	26,7**	48,7***
	1Cu:4GSH	3,3	13,9*	17,6*	25,0**
4	1Cu:0GSH	2,8	31,5**	27,1**	46,8***
	1Cu:4GSH	6,2	20,2*	17,5*	22,1*
5	1Cu:0GSH	7,1	26,5**	27,7**	41,5***
	1Cu:4GSH	6,5	21,2*	28,0**	37,5***
R(Cu^{2+}/O_2)					
(без GSH/ с GSH) (without GSH/ with GSH)		-0,67/-0,85	-0,91/-0,99	-0,92/-0,87	-0,87/-0,84

Примечание: Количество «*» указывает на степень токсичности пробы: отсутствие – нетоксичная, «*» – слаботоксичная, «**» – среднетоксичная, «***» – токсичная. Коэффициент корреляции (R) между концентрациями ионов меди (II) в растворе и растворённого молекулярного кислорода рассчитан в программе Excel.

Note: The number «*» indicates the degree of toxicity of the sample: no – non-toxic, «*» – slightly toxic, «**» – medium-toxic, «***» – toxic. The correlation coefficient (R) between the concentrations of copper(II) ions in solution and dissolved molecular oxygen is calculated in Excel.

Рис. 2. Динамика концентрации O_2 в водных суспензиях *N. paludosum* с различной концентрацией Cu^{2+} (1,0; 2,0; 3,0; 4,0; 5,0 мг/дм³): А – без добавления GSH, В – с добавлением GSH в мольном соотношении 1Cu:4GSH
Fig. 2. Dynamics of O_2 concentration in aqueous suspensions of *N. paludosum* with different concentrations of Cu^{2+} (1.0, 2.0, 3.0, 4.0, 5.0 mg/dm³): А – without addition of GSH, В – with addition of GSH in the molar ratio 1Cu: 4GSH

Добавление GSH в суспензии, содержащие Cu^{2+} 1, 2, 3 и 4 мг/дм³ до мольного соотношения 1Cu:4GSH, привело к снижению концентрации O_2 через трое суток экспозиции на 0,9–1,5 мг/дм³ (8,7–15,1% от начального) (рис. 2Б). В варианте с 5 мг Cu^{2+} /дм³ в присутствии GSH концентрация O_2 снизилась за это же время на 2,5 мг/дм³ (26,7% от начального). Снижение концентрации растворённого O_2 в суспензии может быть следствием как снижения активности окислительного фотосинтеза, так и расхода O_2 на процесс образования активных форм кислорода, спровоцированный появлением в растворе медьсодержащих комплексов глутатиона [18]. Между величинами концентраций ионов Cu^{2+} и растворённого O_2 в присутствии GSH выявлена тесная обратная взаимосвязь (табл. 1).

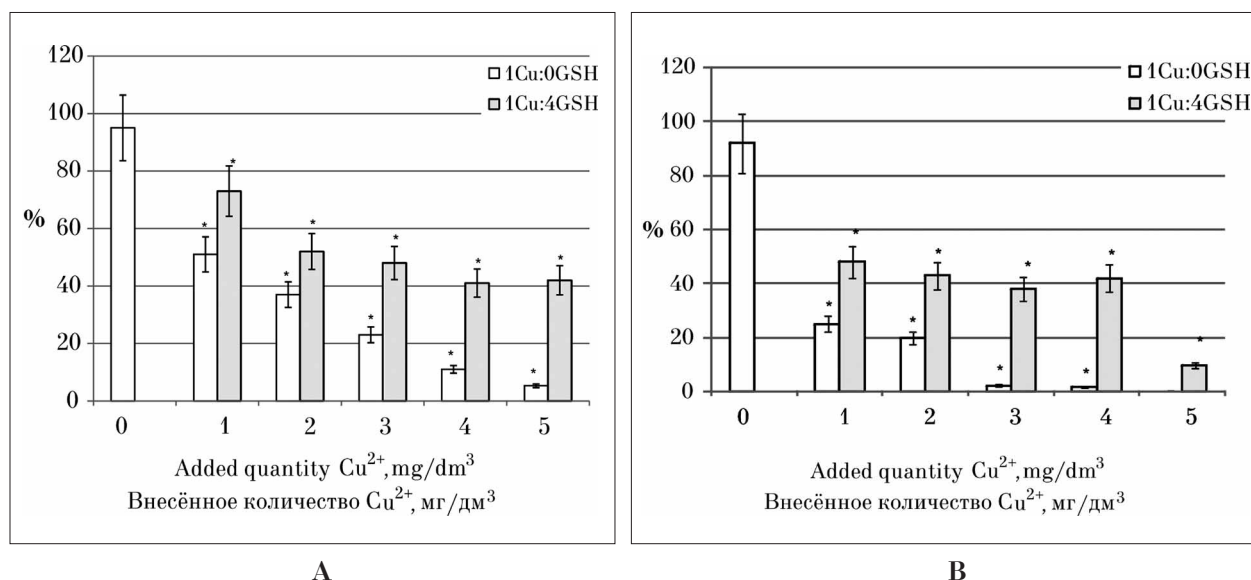
Несмотря на тесную взаимосвязь между концентрациями Cu^{2+} и O_2 (табл.), не удалось диагностировать токсичность раствора с концентрацией ионов Cu^{2+} , равной ПДК (1 мг/дм³), на протяжении всего эксперимента. Средняя токсичность диагностирована в растворе, имеющем концентрацию иона металла в два раза превышающую ПДК (2 мг/дм³), только через 72 часа экспозиции ЦБ с раствором. Статус «слабая токсичность» и «средняя токсичность» появился у растворов с концентрациями Cu^{2+} , в 3–5 раз превышающими ПДК после их контакта с ЦБ в течение суток (табл. 1).

Внесение GSH привело к снижению степени токсичности растворов, однако не позволило перевести ни один из вариантов в статус «нетоксичный».

Влияние $CuSO_4$ на жизнеспособность *Nostoc paludosum*. С увеличением концентрации ионов Cu^{2+} в растворе у культуры ЦБ снижалась дегидрогеназная активность ($R_{1\text{сут}} = -0,94$; $R_{3\text{сут}} = -0,83$ при $n = 3$ и $P = 0,95$). Следствием этого стало сокращение доли клеток ностока, способных восстанавливать 2,3,5-трифенилтетразолия хлорид (ТТХ) до формазана (рис. 3). Добавление GSH привело к ослаблению токсического действия сульфата меди (II) на культуру ЦБ и, как следствие, к снижению взаимосвязи между концентрацией Cu^{2+} и долей клеток ЦБ с кристаллами формазана ($R_{1\text{сут}} = -0,78$; $R_{3\text{сут}} = -0,70$) (рис. 3). Однако независимо от присутствия GSH, ионы Cu^{2+} во всех вариантах, кроме варианта с концентрацией Cu^{2+} 1 мг/дм³, вызвали снижение количества жизнеспособных клеток ЦБ по сравнению с контролем на 50% и более уже через сутки экспозиции (рис. 3А). Через трое суток жизнеспособность цианобактериальных клеток во всех вариантах существенно снизилась по сравнению с суточной экспозицией, а доля клеток с кристаллами формазана не превышала 50% во всех вариантах (рис. 3В). Данное обстоятельство указывает на токсичность всех медьсодержащих вариантов растворов.

Заключение

Установлено, что под действием сульфата меди (II) у культуры ЦБ *N. paludosum* нарушается способность к формированию БП из гомогената. С помощью данного показателя удаётся выявить превышение ПДК Cu^{2+} в растворе, не

Рис. 3. Доля (%) клеток с кристаллами формазана в культуре ЦБ *N. paludosum*: А – 24 часа, В – 72 часа; «*» – результаты достоверно отличаются от контроля при $P \geq 0,95$
Fig. 3. Proportion (%) of cells with crystals of formazan in culture of CB *N. paludosum*: А – 24 hours, В – 72 hours; «*» – the results are significantly different from the control at $P \geq 0,95$

содержащем GSH. Глутатион оптимизирует процесс образования БП, поэтому нарушение процесса образования БП в вариантах, в которых он присутствует, наблюдали при концентрациях Cu^{2+} 3 мг/дм³ и более.

По изменениям концентрации растворённого O_2 не удалось диагностировать токсичность в растворах с концентрацией Cu^{2+} равной 1 мг/дм³. При концентрации Cu^{2+} 2 мг/дм³ через 72 часа контакта ЦБ с раствором токсиканта диагностирована средняя токсичность. Через сутки экспозиции ЦБ с растворами, в которых концентрации Cu^{2+} превышают ПДК для питьевой воды в 3–5 раз (3–5 мг Cu^{2+} /дм³ соответственно) установлена слабая и средняя степени токсичности. Присутствие GSH снижает степень токсичности растворов сульфата меди(II).

С увеличением концентрации Cu^{2+} происходит снижение дегидрогеназной активности *N. paludosum* по сравнению с контролем и, как следствие, снижается доля клеток, способных восстанавливать ТТХ до формазана (50% клеток с формазаном в варианте 1 мг Cu^{2+} /дм³, менее 50% клеток с формазаном в вариантах, где $C(\text{Cu}^{2+}) \geq 2$ мг/дм³). Введение GSH в суспензию ЦБ приводит к снижению токсичности растворов CuSO_4 , так в варианте с концентрацией Cu^{2+} 1 мг/дм³ после суточной экспозиции доля клеток с кристаллами формазана составляет 70%.

Исходя из результатов экспериментов установлено, что наиболее перспективной

тест-функцией при определении токсичности растворов солей меди(II) является жизнеспособность клеток ЦБ *N. paludosum*. Такие показатели, как способность к формированию БП и изменение концентрации растворённого кислорода в суспензии ЦБ оказались менее чувствительными.

Работа выполнена в рамках государственного задания Вятского государственного университета по теме «Механизмы адаптации и устойчивости почвенной микробиоты к техногенному загрязнению» № 5.4962.2017/БЧ.

Литература

1. Yadav P., Kaur R., Kanwar M.K., Bhardwaj R., Sirhindi G., Wijaya L., Alyemeni M.N., Ahmad P. Ameliorative role of castasterone on copper metal toxicity by Improving redox homeostasis in *Brassica juncea* L. // Journal of Plant Growth Regulation. October 2017. P. 1–16.
2. Фокина А.И., Дабах Е.В., Домрачева Л.И., Скугорева С.Г., Лялина Е.И., Ашихмина Т.Я., Зыкова Ю.Н., Леонова К.А. Методические подходы к химико-биологической диагностике состояния почв техногенно-преобразованных территорий // Почвоведение. 2018. № 5. С. 589–600. doi: 10.7868/S0032180X18050088
3. Кондакова Л.В., Горностаева Е.А., Домрачева Л.И. Самосборка природных биоплёнок с доминированием *Nostoc commune* // Биологический мониторинг природно-техногенных систем: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ч. 2. Киров: ООО «Лобань», 2014. С. 169–174.

4. Олескин А.В., Ботвиненко И.В., Цавкелова Е.А. Колониальная организация и межклеточная коммуникация у микроорганизмов // Микробиология. 2000. Т. 69. № 3. С. 309–327.

5. Панкратова Е.М., Трефилова Л.В., Зяблых Р.Ю., Устюжанин И.А. Цианобактерия *Nostoc paludosum* Kütz как основа для создания агрономически полезных микробных ассоциаций на примере бактерий р. *Rhizobium* // Микробиология. 2008. Т. 77. № 2. С. 266–272.

6. Хоботьев В.Г., Капков В.И. Влияние полиметаллических руд на выделение и поглощение кислорода в процессе фотосинтеза и дыхания протококковых водорослей // Биологические науки. 1968. № 4. С. 82–85.

7. Kulikova A.L., Kuznetsova N.A., Burmistrova N.A. Change in growth and physiological parameters in soybean seedlings in response to toxic action of copper // Russian Journal of Plant Physiology. 2015. V. 62. No. 4. P. 455–464.

8. Симакова В.С., Домрачева Л.И., Огородникова С.Ю., Фокина А.И., Ашихмина Т.Я. Влияние фосфорсодержащих автошампуней на развитие почвенных цианобактерий // Теоретическая и прикладная экология. 2016. № 3. С. 89–94. doi: 10.25750/1995-4301-2016-3-089-094

9. Огородникова С.Ю., Зыкова Ю.Н., Березин Г.И., Домрачева Л.И., Калинин А.А. Комплексная оценка состояния цианобактерий *Nostoc paludosum* 18 при воздействии различных поллютантов // Теоретическая и прикладная экология. 2010. № 3. С. 47–51. doi: 10.25750/1995-4301-2010-3-047-051

10. Домрачева Л.И., Ашихмина Т.Я., Кондакова Л.В., Березин Г.И. Реакция почвенной биоты на действие пестицидов (обзор) // Теоретическая и прикладная экология. 2012. № 3. С. 4–18. doi: 10.25750/1995-4301-2012-3-004-018

11. Домрачева Л.И., Кондакова Л.В., Фокина А.И., Огородникова С.Ю., Кантор Г.Я. Биомониторинг и биотестирование почв // Биоиндикаторы и биотестсистемы в оценке окружающей среды техногенных территорий / Под ред. Т.Я. Ашихминой, Н.М. Алалыкиной. Киров, 2008. С. 68–105.

12. Фокина А.И., Домрачева Л.И., Зыкова Ю.Н., Скугорева С.Г., Лялина Е.И., Трефилова Л.В. Совершенствование тетразольно-топографической методики биотестирования с использованием цианобактерий // Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 1. С. 31–41. doi: 10.25750/1995-4301-2017-1-031-041

13. Burkhead J.L., Reynolds K.A.G., Abdel-Ghany S.E., CoHu Ch.M., Pilon M. Copper homeostasis // New phytologist. 2009. V. 182. No. 4. P. 799–816. doi: 10.1111/j.1469-8137.2009.02846.x

14. СанПиН 2.1.4.1074-01. Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. Гигиенические требования к обеспечению безопасности систем горячего водоснабжения. М.: Минздрав России, 2002. 46 с.

15. ГОСТ Р 53910-2010 Вода. Методы определения токсичности по замедлению роста морских одноклеточных водорослей *Phaeodactylum tricornutum* Bohlin и *Skeletonema costatum* (Greville) Cleve. М.: Стандартинформ, 2010. 38 с.

16. Hossain M.A., Piyatida P., da Silva J.A.T., Fujita M. Molecular mechanism of heavy metal toxicity and tolerance in plants: central role of glutathione in detoxification of reactive oxygen species and methylglyoxal and in heavy metal chelation // Journal of Botany. 2012. V. 2012. P. 1–37. doi: 10.1155/2012/872875

17. Громов Б.В. Цианобактерии в биосфере // Соросовский образовательный журнал. 1996. № 9. С. 33–39.

18. Скурлатов Ю.И., Дука Г.Г., Мизити А. Введение в экологическую химию М.: Высшая школа, 1994. 400 с.

References

1. Yadav P., Kaur R., Kanwar M.K., Bhardwaj R., Sirhindi G., Wijaya L., Alyemni M.N., Ahmad P. Ameliorative role of castasterone on copper metal toxicity by Improving redox homeostasis in *Brassica juncea* L. // Journal of Plant Growth Regulation. October 2017. P. 1–16. doi: 10.1007/s00344-017-9757-8

2. Fokina A.I., Dabakh E.V., Domracheva L.I., Skugoreva S.G., Lyalina E.I., Ashikhmina T.Ya., Zyкова Yu.N., Leonova K.A. Methodological approaches toward chemico-biological diagnostics of the state of soils in technogenically transformed territories // Pochvovedenie. 2018. No. 5. P. 589–600 (in Russian). doi: 10.7868/S0032180X18050088

3. Kondakova L.V., Gornostaeva E.A., Domracheva L.I. Self-assembly of natural biofilms dominated by *Nostoc commune* // Biological monitoring of natural and man-made systems: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Ch. 2. Киров: Loban, 2011. P. 169–174 (in Russian).

4. Oleskin A.V., Botvinenko I.V., Tsavkelova E.A. Colonial organization and intercellular communication in microorganisms // Mikrobiologiya. 2000. T. 69. No. 3. P. 309–327 (in Russian).

5. Pankratova E.M., Trefilova L.V., Zyablykh R.Yu., Ustyuzhanin I.A. *Nostoc paludosum* Kütz cyanobacterium as a basis for creating agronomically beneficial microbial associations using the example of p. *Rhizobium* // Mikrobiologiya. 2008. V. 77. No. 2. P. 266–272 (in Russian).

6. Khobotev V.G., Kapkov V.I. Influence of polymetallic ores on the release and absorption of oxygen in the process of photosynthesis and respiration of proto-coccal algae // Biologicheskie nauki. 1968. No. 4. P. 82–85 (in Russian).

7. Kulikova A.L., Kuznetsova N.A., Burmistrova N.A. Change in growth and physiological parameters in soybean seedlings in response to toxic action of copper // Russian Journal of Plant Physiology. 2015. V. 62. No. 4. P. 455–464. doi: 10.1134/S1021443715040111

8. Simakova V.S., Domracheva L.I., Ogorodnikova S.Yu., Fokina A.I., Ashikhmina T.Ya. The effect of phosphorus-containing car shampoos on the development of soil cyanobacteria // *Theoretical and Applied Ecology*. 2016. No. 3. P. 89–94 (in Russian). doi: 10.25750/1995-4301-2016-3-089-094
9. Ogorodnikova S.Yu., Zykova Yu.N., Berezin G.I., Domracheva L.I., Kalinin A.A. Comprehensive assessment of the state of cyanobacteria *Nostoc paludosum* 18 when exposed to various pollutants // *Theoretical and Applied Ecology*. 2010. No. 3. P. 47–51 (in Russian). doi: 10.25750/1995-4301-2010-3-047-051
10. Domracheva L.I., Ashikhmina T.Ya., Kondakova L.V., Berezin G.I. The reaction of soil biota to the action of pesticides (review) // *Theoretical and Applied Ecology*. 2012. No. 3. P. 4–18. doi: 10.25750/1995-4301-2012-3-004-018
11. Domracheva L.I., Kondakova L.V., Fokina A.I., Ogorodnikova S.Yu., Kantor G.Ya. Soil biomonitoring and biotesting // *Bioindicators and biotest systems in environmental assessment of technogenic territories* / Eds. T.Ya. Ashikhmina, N.M. Alalykina. Kirov, 2008. P. 68–105 (in Russian).
12. Fokina A.I., Domracheva L.I., Zykova Yu.N., Skugoreva S.G., Lyalina E.I., Trefilova L.V. Improving the tetrazole-topographic biotesting technique using cyanobacteria // *Theoretical and Applied Ecology*. 2017. No. 1. P. 31–41 (in Russian). doi: 10.25750/1995-4301-2017-1-031-041
13. Burkhead J.L., Reynolds K.A.G., Abdel-Ghany S.E., Cochu Ch.M., Pilon M. Copper homeostasis // *New phytologist*. 2009. V. 182. No. 4. P. 799–816. doi: 10.1111/j.1469-8137.2009.02846.x
14. SanPiN 2.1.4.1074-01. Drinking water. Hygienic requirements for water quality of centralized drinking water supply systems. Quality control. Hygienic requirements for ensuring the safety of hot water systems. Moskva: Minzdrav Rossii, 2002. 46 p.
15. GOST R 53910-2010. Water. Methods for the determination of toxicity to slow the growth of marine unicellular *Phaeodactylum tricornutum* Bohlin and *Skeletonema costatum* (Greville) Cleve. Moskva: Standartinform, 2010. 38 p.
16. Hossain M.A., Piyatida P., da Silva J.A.T., Fujita M. Molecular mechanism of heavy metal toxicity and tolerance in plants: central role of glutathione in detoxification of reactive oxygen species and methylglyoxal and in heavy metal chelation // *Journal of botany*. 2012. V. 2012. Article ID 872875. 37 p. doi: 10.1155/2012/872875
17. Gromov B.V. Cyanobacteria in the biosphere // *Sorosovskiy obrazovatelnyy zhurnal*. 1996. No. 9. P. 33–39 (in Russian).
18. Skurlatov Yu.I., Duka G.G., Miziti A. Introduction to environmental chemistry. Moskva: Vysshaya shkola, 1994. 400 p. (in Russian).